

Живи, гармонь любимая

Моск. правда - 2006. - 30.01.06. - с. 6

Судьбы

Лет пять назад мой знакомый француз спросил, была ли я в музее гармоник Альфреда Мирека. Получив отрицательный ответ, он очень удивился: «Как, ты, москвичка, не знаешь музей, в который обязательно ходят иностранцы. Можно сказать, это всемирная достопримечательность, он внесен даже в международный каталог ЮНЕСКО».

Вспомнила этот разговор совсем недавно, проходя по 2-й Тверской-Ямской и упершись взглядом в табличку «Музей русской гармоники Альфреда Мирека». Как было не зайти?

— Единственный в мире — это, конечно, сильно сказано, — отреагировал на слова француз Альфред Мартинович, — в мире есть еще три музея гармоники — в США, Германии и Италии. Но они представляют собой застывшие экспонаты. Стоят себе и стоят в витринах восемьдесят действительно старинных инструментов. Наш же музей, можно сказать, живой. Инструменты звучат, экскурсоводы рассказывают интересные истории об их возникновении, два раза в месяц проходят концерты народной и классической музыки, зал всегда полон родителями с детьми. Я вам даже назову цифру — сорок тысяч человек ежегодно приходят к нам в гости.

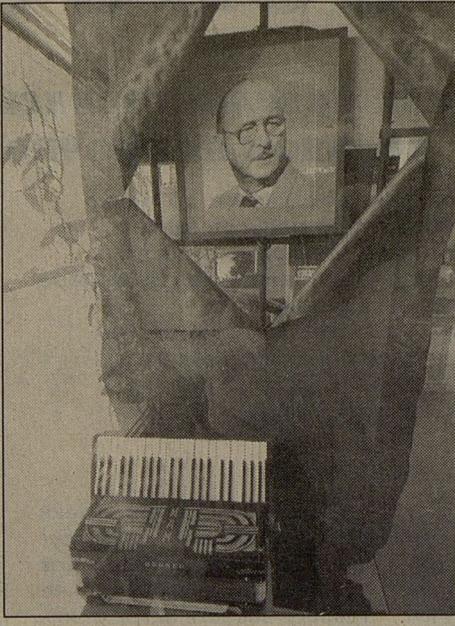
Я перехожу из зала в зал, восхищаюсь изысканным дизайном и коллекционным талантом основателя. «Если бы я был коллекционером, — Альфред Мартинович неожиданно обиделся, — у меня было бы не двести, а пятьсот инструментов. Коллекционеры — это люди, которые собирают марки, открытки, монеты и все время поглядывают-подсчитывают, не обскакал ли его конкурент. Я же за количеством не гонюсь, главное — раритет инструмента, история его создания, мастер, изготовивший его, исполнитель, извлекающий изумительные звуки...»

Когда Альфреду исполнилось пять лет, родители начали обучать его игре на фортепьяно. Успехи ребенка были столь очевидны, что его показали самой Елене Фабиановне Гнесиной. К радости родителей, она взяла мальчика в свою школу. Трудиться приходилось много: Елена Фабиановна была строга. Чуть заленился, с рояльного пюпитра собирались ноты, вышвыривались за дверь, сопровождаясь жестким приговором: «Скажи маме, что больше в моей школе ты не учишься». Вот так Елена Фабиановна расправлялась с лодырями и мало-мальски неуспевающими. Тот же, кто кончал полный курс, играл на фортепьяно прекрасно. Вот и Альфред уже в одиннадцать лет играл Сонату Гайдна фа-мажор так, как сегодня играют самые талантливые музыканты.

Казалось бы, будущее мальчика было predetermined. Но однажды, было это в 1935 году, он с друзьями пошел в кинотеатр «Ударник» на фильм «Девушка спешит на свидание» и... увидел аккордеон. Карьера пианиста теперь его не привлекала. В душу запала мысль научиться играть на аккордеоне. Но где его купить? В 1945 году сразу после войны целыми эшелонами повезли из поверженной Германии, Австрии, Венгрии аккордеоны, их тогда называли еще пианино с бретельками. Вот тогда-то Альфред и купил долгожданный инструмент. Принес его домой, положил на кровать и впился в него глазами. Так, справа клавиатура, как у фортепьяно, это ясно. А вот слева целых 120 кнопок! Вот задача-то, как с таким количеством управиться? Через два месяца Альфред уже исполнял разные пьески, да как виртуозно! А вскоре солировал на концертах в Воронежской филармонии.

Разобравшись, наконец, в инструменте, Альфред написал самоучитель игры на аккордеоне. И учебник этот, написанный для себя, затем улучшенный и расширенный, переиздавался в течение тридцати лет тиражом в четыре миллиона экземпляров. С этим фактом связана такая трагикомическая история. Однажды в питерской тюрьме «Кресты», где сидел Альфред Мартинович по ложному обвинению, к нему подошел зек и спросил: «Уж не по вашему ли самоучителю я учился? Сколько лет мечтал встретиться со своим учителем, но не в тюремной камере, конечно». Услышав этот разговор, еще один зек сказал, что он с сестрой в детстве тоже учились по моему самоучителю. В знак уважения зеки уступили музыканту нижнюю шконку.

Но и внемать в 1945 году. Только играть молодому человеку было мало. Его пылкий ум заинтересовался, откуда взялся столь полюбившийся ему инструмент. Куда податься за информацией книжному человеку? Конечно же, в библиотеку. Но, увы, по истории гармоники материала там не было. Придется историю пи-

сать самому. И тогда высокий красавец, интеллигентный, даже изысканный молодой человек отправляется путешествовать по стране — пешком, на лодке, на попутках, искать, что называется, живую историю гармоники да собирать их по всему миру. Какие только сюжеты тех лет не хранятся в его памяти — от курьезных до трагических.

На городском кладбище в Саратове чекисты извлекали из могил гробы богатых горожан, снимали с них золото и ювелирные изделия, а медные гробовые таблички с именами и датами отправляли в... артель гармонных инструментов «Музыка», где из них делали голосовые планки. И вот однажды привезли медную пластину, напильники на полоски, пробрили проемы и собрали баян. Звучал он поразительно. Но уж очень тяжел был. Кто-то заметил, ну и звук, будто золотые планки. А ну-ка, проверим. И что же? Планки и впрямь оказались золотыми, да еще и высшей пробы. Естественно, баян тут же пропал бесследно. А у кладовщика Васи Рыжего с тех пор завелись деньги, пить он стал беспробудно и через год умер от белой горячки.

Нередко поездки были ну очень урожайные. В начале XX века жил в Туле основатель первого оркестра баянистов знаменитый Владимир Петрович Хегстрем. Сам он играл на баяне-басе. Охотился за этой реликвией Мирек давно и вот, наконец, добрался до вдовы Хегстрема. Та обреченно махнула рукой: да внуки им забавлялись, забавлялись, видно, и раздрыгали вконец. Но вот однажды, разбираясь в сарае, сын Хегстрема нашел пропав-

— С Юрием Владимировичем, — рассказывает Альфред Мартинович, — мы дружили более сорока лет. Перебирая как-то мои музыкальные закрома, где от тесноты и мышь не могла прошмыгнуть, Юра предложил мне написать Лужкову челобитную, попросить помещение для музея. Написал, собрал подписи многих знаменитых людей, бывавших у меня, а Юра сам вручил ее мэру Лужкову. И — о чудо! Юрий Михайлович распорядился выделить помещение.

Когда Мирек увидел заброшенные помещения, требовавшие капитального ремонта, просто ужаснулся: ни кола, ни двора, ни пола, ни дверей, потолок вот-вот рухнет. Может, отказать? Но, поразмыслив, принял этот подарок. Ну и потом, Альфреду Мартиновичу не привыкать к экстремальным ситуациям. В 1942 году он был отправлен в Унжлаг на семь лет. Чуть ли не по колено в болоте целыми сутками он валил лес (1500 кубов), электромонтажничал, короче, работал на всех участках.

И вот по собственным чертежам Альфред Мартинович начал реставрацию. Рабочие поначалу артачились: «Хозяин, да эту стену в три кирпича не пробьешь», — стонали рабочие. «Хозяин» сам брал в руки скапель, и вот ниша готова. Просидев в трех тюрьмах, в лагере, на Лубянке, профессор-интеллигент умел разговаривать с работягами на их языке. По эскизам заслуженного художника России В. Ханина с помощью директора Музея истории г. Москвы Г. И. Ведерниковой создана современная экспозиция, учитывающая самые последние достижения в музейном деле. Музей из частного стал государственным: Альфред Мартинович Мирек подарил городу всю свою коллекцию.

И вот результат. «Такого уютного познавательного музея мы не видели. Просто уходить из него не хочется», — пишут в книге отзывов американцы, канадцы, израильтяне, норвежцы, японцы, финны. Наконец, 26 директоров музыкальных музеев мира, собравшихся на свою профессиональную конференцию, признали, что российский музей Мирека значительно объемнее, познавательнее, красивее и интереснее своих собратьев.

Хожу по залам музея и думаю, как же повезло гармонике! Благодаря энтузиазму таких людей, как заслуженный деятель искусств, профессор, доктор искусствоведения, главный эксперт Российской ассоциации музыкальных мастеров, всех званий и наград и не перечислишь, Альфред Мартинович. А вот другому изумительному народному инструменту — балалайке, похоже, повезло

ший уникальный первый баян-бас, изготовленный в 1903 году знаменитым мастером Горбуновым. Но прежде чем он занял место в музее, понадобился год кропотливой реставрационной работы. Альфред Мартинович раскрыл его и во все стороны расплозились жуки-пауки и другие обитатели сарая, где инструмент провёл много лет. Через год баян-бас сверхкал филигранной полировкой и звучал, как в лучшие времена.

За тульской поездкой подошла суздальская. Пока туристы осматривали достопримечательности, Мирек отправился по перспективному адресу. Хозяин дома достал с полатей гармоннику. «Я так и ахнул, — вспоминает мой собеседник, — это был митрофон редкой оригинальной конструкции родом из Болого. Дата рождения — самое начало XX века. Поняв, что инструмент меня весьма заинтересовал, хозяин заломил такую цену, что я было уже поставил на нем крест. Но тут я заиграл на нем, и из-под клавиш поползли клопы. Конфуз этот помог мне сторговаться, и митрофон уехал со мной в Софрино».

Я не поняла, при чем здесь Софрино. Оказалось, что именно там было первое пристанище музея. Альфред Мартинович построил двухэтажный дом и оборудовал второй этаж под «Международный музей гармоники». Интерес к нему был столь велик, что люди записывались за два месяца. Это были учащиеся музыкальных школ, иностранцы, ну и, конечно же, друзья. А среди них — Аркадий Райкин и Юрий Никулин.

гораздо меньше. «Дело не в везении, — поправляет меня Мирек, — просто гармоника востребованна от деревенской завалянки до Ватикана, где сейчас, кстати, находится аккордеон стоимостью в сто тысяч долларов. Папа Павел XII благословил использовать его в церкви. С балалайкой в костел не придешь».

— Гармоника, как огонь, может согреть жилище, а может и спалить, — говорит маэстро. — Она прошла весьма тернистый путь. Было время, когда она была врагом церкви. Под ее рулады мужики пропивали деньги, пели похабщину. Девушкам вообще не разрешалось играть на гармонике. Но постепенно лапотный мужик начал приобщаться через гармонику к культуре.

Известное дело, лучше один раз увидеть, чем сто услышать. В Зал им. Чайковского лишние билетик спрашивали чуть ли не от метро. И не на кого-то модного, широко разрекламированного артиста, а на первый международный фестиваль гармоники, о которой пролетарский поэт Демьян Бедный с презрением когда-то пророчествовал:

А поднимется наша культура,
Замолкнет гармошка,
крикливая дура.

Так высокомерно о самом народном инструменте мог отозваться только невежда, очень далекий от своего народа, а можно только порадоваться, что и это пророчество не сбылось. Гармоника будет жить до тех пор, пока жива Россия.

Наталья ЛАРИНА.

60